слу нижнюю губу к подбородку. Там где пролегла
эта струнка остался не заростающий волосом розовый и
веселый кусок кожи, будто неведомый зверек лизнул Сашку
в бороду полусекундного капильчатым язычком.
Сашка часто баловался водкой, в такие минуты бродил по
двору именно сам хозяин, пакляя ногами становился прямо
окон пакеной стальным и хитро крутил перед веселым своим
носом пальцем.
— Николай Алексевич, а, Николай Алексевич! — звал он громко и строго.
Старый пан, если был в эту минуту в станице, подходил
к окну.
— Нагулеся, пьет зновая твоя душа? — кричал он из окна.
Сашка подтягивал спадавшие портки и подмигивал уго-
бался. Улыбка вытанцовывалась у него наискось всего лица:
от прищуренного левого глаза, до розового шрама, ста-
кавшего из правого угла рта, поперечная была улыбка, но
приятная.
— Николай Алексевич ваше преподобие, я тебя зна-а-ю!.. — и
Сашка прищелкивая грозил сторчмя подъятым грязным и
тонким пальцем.
— Тоже и Поди, простись, — тонкирующе улыбался из окна
пан, и всей пятерней закручивал нависшие уши.
— Чорт Сашку ко чи-панет! — смеялся Сашка подходя к
палисаднику, — Николай Алексевич, то... как и я. Мы с тобой,
как баба с водой: руба на дно, а мы... на гумно.
Мы с тобой, богатые, во!... — Сашка расширял
широко руки, — Нас все знают, по всей
донской области. Голос Сашки становился печален и
выразчив, — Мы с тобой, ваше превосходительство, всем
хорошим, токо вот носят у нас... говенное.
— Это чем-же? — Мотал пан Сизый от смеха и
шевеля усами и подусниками.
— через водку! — отчеканивал Сашка часто моргая и
смазывая языком влагу стекавшую по наискось розовому
шраму. — То, Николай Алексевич не нет! А то пропадем,
пропьем все до тла!..
— Поди, вот, похмелись.
Пан кидал в окно двухрублевкой, Сашка ловил на лету и
прибирал за подкладку картуза.
— Ну, прощай, генерал. — взывал он уходя.
— А лошадей-то пошли! — заранее улыбаясь спрашивал пан
— Убирайся то под, такую мать! — бачрел Сашка спотыка-
в снеге, — Чорт тарилыш, дьяволенок ет, Сашка штоб
лошадей завтра напоить. Умру и то приползу по
уборке принимать дать, а он ать сунет придумал... Тоже...
Сашка уходил облитый незаслуженной обидой, размахивая
тасячью и грозя руками. Сходило ему все: и тьмака
и пакибратские обращение с паном. Оттого сто-
дило, что Сашка был незаменимым человеком. Он зиму и
лето стал в конюшне, в горячей станице, никто